

Кристоф Ланц, Томас Кунце: «Нам крупно повезло, что нам довелось это пережить»

Кристоф Ланц. Спасибо большое, господин президент. Я должен сказать Вам одну вещь. Вы, наверное, без меня это знаете, но все равно. Когда мне сказали, что в Москве я еду в Фонд Горбачева (неважно кому я об этом рассказывал: своей тетушке, которой 88 лет, или моему 13-летнему сыну), все мне сказали: передай ему спасибо. Я хочу передать Вам это спасибо. Потому что сейчас в Германии все об этом помнят. Когда 9 ноября Вы приедете в Берлин, Вы это отношение почувствуете. Это бесконечная благодарность немецкого народа за то, что Вы для них сделали.

Госпожа Крауфорд сказала, что у нас получилась очень интересная «смесь»: я из Западной Германии, Томас Кунце из ГДР. И нам сейчас предстоит друг с другом поговорить. Я думаю, для более старшего поколения, для молодежи это будет интересно. Потому что мы примерно из одного поколения, мы примерно одного возраста. Мы родились в 50-е годы. Правда, все еще чувствуем себя молодыми. Но тогда мы были еще моложе – двадцать пять лет назад.

Я думаю, мы сможем вспомнить о том, как это тогда было.

Первый вопрос Томасу Кунце. Должен, правда, сказать, я жил в Западном Берлине, родился недалеко от Франкфурта-на-Майне. А Томас Кунце родом из Лейпцига. И там же он вырос.

Скажите, Томас, когда Вы впервые почувствовали в воздухе, что что-то меняется или что-то очень скоро поменяется в ГДР и, возможно, во всей Германии?

Томас Кунце. В 80-е годы я учился в вузе. На этот вопрос могу очень точно Вам ответить. Это было летом 1989 года. Я был в отпуске в Венгрии, в Будапеште. Михаил Сергеевич Горбачев был уже Генеральным секретарем. В Венгрии на тот момент очень многое изменилось. А ГДР по-прежнему оставалась крайне закрытой страной. И я стоял перед венгерским парламентом (я уже сказал: мне было лет 25, я был еще студентом), дождь лил, как из ведра. И перед зданием парламента Венгрии в Будапеште собрались тысячи людей. Они ждали и ликовали, увидев американского президента, который приехал туда с визитом.

Для нас, граждан ГДР, это было что-то невероятное. Страна восточного блока, и ее народ под проливным дождем стоит и приветствует американского президента. Их никто не прогоняет, им никто не мешает это сделать. Тогда президентом США был Джордж Буш-старший.

Отвечаю на Ваш вопрос: когда я почувствовал впервые, что что-то будет меняться, или что-то уже меняется на моих глазах? Второй раз, когда это почувствовал - я тогда ехал из Лейпцига - и вот как раз тогда, в августе 89-го в Лейпциге потихоньку начинались эти крупные, массовые демонстрации, которые становились все более массовыми.

А первой, по-настоящему огромной демонстрацией, была демонстрация, в которой участвовали 150 тысяч человек (все население города тогда, наверное, и до 500 тысяч не доходило), то есть почти каждый третий житель Лейпцига вышел на улицу.

Недавно в Лейпциге как раз отмечали 25-летний юбилей этой демонстрации. Лейпциг очень хорошо о ней вспомнил. Это был второй раз, когда я почувствовал: что-то меняется.

Кристоф Ланц. Давайте сделаем шаг назад. Скажите, а Вы вообще могли тогда представить (Вы же были еще подростком, молодым человеком)? Мы с друзьями совершенно не могли себе представить, что Германия объединится, причем так быстро. Мы решили, что это раз и навсегда вот так. Вы тоже так думали?

Томас Кунце. Я из Лейпцига очень часто ездил в Восточный Берлин. Многие из вас, наверное, знают Берлин, бывали там. И по улице Унтер ден Линден я проходил мимо советского посольства (сейчас там российское посольство) и доходил до Бранденбургских

ворот. Прямо к воротам подойти было нельзя, потому что это была пограничная территория - подойти туда вплотную было невозможно.

Для меня где-то до сентября-октября 89-го года было совершенно невозможно представить, что появится хоть малейший шанс попасть на другую сторону, подойти к воротам и пройти сквозь них в Западный Берлин.

Если с востока подходить к Бранденбургским воротам, то можно было увидеть что-то вроде трибуны, подиума с другой стороны, где западноберлинские туристы могли подняться на подиум, посмотреть, заглянуть, как в зоопарк, как будто мы были зверями в клетке. Они могли заглянуть через границу, через ворота. И тогда, должен сказать, абсолютно было невозможно об этом подумать.

Кристоф Ланц. Когда появились перестройка, гласность, скажите, молодые люди в ГДР считали, что это и их тоже касается? Они понимали, что рано или поздно это дойдет и до ГДР?

Томас Кунце. Молодые люди в ГДР очень любили Михаила Горбачева. И до сегодняшнего дня эти чувства сохраняются. Для нас в Германии, для Европы он сделал огромное количество вещей. Он дал нам свободу, дал нам демократию. И мы чувствовали, что что-то, наверное, может измениться. Мы, конечно, тогда еще и думать не могли об объединении страны. Мы думали о реформе социализма. И с того момента, когда Михаил Сергеевич занял пост Генерального секретаря в Москве, с начала перестройки, то есть во второй половине 80-х... Как раз я тогда учился в вузе, сначала в университете в Йене, потом в университете в Лейпциге – это был университет имени Карла Маркса.

И на лекциях мы старались обсуждать с нашими преподавателями, что происходит в Советском Союзе. Мы старались их об этом спрашивать. Потому что обычно восточногерманские коммунисты подражали Советскому Союзу во всем. Но здесь они решили этого не делать. Многие люди моего поколения и поколения моих родителей помнят, что тогда сказал секретарь Политбюро, секретарь по идеологии Курт Хагер. Эта фраза звучит еще сегодня: «Если ваш сосед в квартире начинает переклеивать обои (он имел в виду перестройку в Советском Союзе), нам не нужно сразу тоже начинать ремонт и клеить новые обои у себя дома».

Руководство СЕПГ в ГДР дало явно понять: нет, мы эти реформы в таком виде, как в Советском Союзе, у нас проводить не будем. И они в этом смысле были едины с Тодором Живковым в Болгарии, с руководством других стран восточного блока и, конечно, с Николае Чаушеску в Бухаресте, в Румынии.

Кристоф Ланц. Скажите, Томас Кунце, что Вы чувствовали тогда, в той ситуации, в то время (Вы ведь жили в ГДР)? Я-то сейчас могу на все это смотреть только с точки зрения жителя Западной Германии. Ведь ГДР была страной с самым высоким уровнем жизни в восточном блоке и с самой лучшей экономикой. Что Вам не нравилось, чем Вы были недовольны?

Томас Кунце. То, что Вы говорите, конечно, верно. И, безусловно, об этом нужно все время помнить, когда выступаешь, например, в Москве, да и не только в Москве, где угодно в России. Я сейчас работаю в Ташкенте. Там ситуация такая же.

Нам в ГДР жилось сравнительно неплохо. Я вырос в ГДР, я был там воспитан, получил образование. Я бесконечно далек от того, чтобы проклинать все, что в ГДР было, и рисовать все в черном цвете. Это было хорошее время. Это было время моего детства, моей молодости.

То, что мне не нравилось, имело нематериальный характер, как ни странно, кстати. Меня волновали не экономические проблемы, не дефицит в магазинах. Прежде всего, мне не хватало свободы. Мне не хватало свободы перемещения. Мне хотелось поехать на Запад, в Западную Германию. А я не мог этого сделать. Я мог поехать, скажем, в

Болгарию и там посмотреть на Черное море. Может быть, мне удалось бы когда-нибудь выехать в Стамбул, но не более того. Мне этого не хватало.

Мой дед – отец моего отца – жил в Западной Германии. Семья распалась из-за этой границы. Мы не могли увидеться. Я не мог к нему съездить, он не мог приехать ко мне. Его, к сожалению, уже нет в живых. Он был очень сильным человеком. Я ни разу не видел, чтобы мой отец плакал. Он плакал только один раз. Когда в 1977 году мой дед умер, отец подал заявление на выезд, чтобы поехать на его похороны. Заявка была отклонена по причинам, которые мы не знаем до сих пор. Я впервые видел тогда, как мой отец плакал.

Кристоф Ланц. Мы в Западной Германии думали: что сейчас будет делать Горбачев? И у нас писали, что с этой гласностью он и месяца не продержится. И мы чувствовали, какие большие ожидания люди с Вами связывают. А Вы не боялись сами брать на себя эту ответственность? Потому что ответственность была действительно серьезной.

М.С. Горбачев. Я вам рассказал о нашем разговоре с Громько. Все, что мы делали, решения, которые мы принимали - это крайне ответственно. ... Поэтому мы не торопились, а хотели, чтобы время работало, и общество набиралось опыта и суждений, и гласность открывала бы возможности для того, чтобы мы видели и прошлое, и настоящее, и будущее. Так что постепенно мы укреплялись в правоте того, что мы начали. Но, в общем, это требовало отваги. Отвага у нас была.

Кристоф Ланц. Когда сегодня встречаются немцы, неважно, где это происходит, когда немцы знакомятся и начинают друг с другом разговаривать, то, наверное, и часа не проходит, и рано или поздно начинают говорить о 89-м годе, о падении Стены. Обязательно один у другого спрашивает: «Скажи, а где ты был 9 ноября, что ты делал?». Это ключевой вопрос в наших дискуссиях. Мы всегда друг друга спрашиваем: что ты помнишь об этом дне, где ты тогда был, что ты делал? Для нашего поколения это, наверное, самое крупное событие в нашей жизни.

Как сказал Томас Кунце, никто ведь на это не надеялся. Поэтому хочу Вас, Томас, спросить: а где Вы были 9 ноября 89-го?

Томас Кунце. Вы правы. Наверное, каждый прекрасно помнит, что он делал в тот день. Я был дома, смотрел пресс-конференцию Гюнтера Шабовского по телевизору. И сразу на следующий день я поехал в Западный Берлин. Наверное, это навсегда останется у меня в памяти, что тогда происходило там на Курфюрстендамм. Наверное, это даже объяснить невозможно. Весь город праздновал. Это была одна сплошная вечеринка, причем очень мирная. После футбольных матчей такого не бывает. Обычно обязательно где-нибудь алкоголь вступает в игру, что-нибудь идет не так. Но тогда все было мирно. И это большое счастье для нашего поколения. Нам крупно повезло, что нам довелось это пережить.

Я историк по образованию, по профессии. Мне кажется, не многим историкам выпадает такое счастье – стать свидетелями такого важного события, которое переписало всю мировую историю. А мы стали его участниками – этой мирной революции, этого мирного народного праздника во всем городе, во всем Берлине. И это настроение чувствовали все. Те, кто приехал из Восточной Германии.

Кристоф Ланц. До сих пор у нас мурашки по коже, когда мы это видим. Это практически автоматическое чувство. Это были такие эмоциональные искры.

Но давайте все-таки перейдем к политическим вопросам. 9 ноября прошло, началась жизнь. Каковы были Ваши ожидания? Что действительно равноправные партнеры будут строить совместное будущее? Эти ожидания были реализованы, по Вашим впечатлениям?

Томас Кунце. Да, я думаю, что после падения Стены эти ожидания были, в общем-то, исполнены. Госпожа Крауфорд вначале сказала, что мы в лице Западной Германии имели партнера, который тогда вкладывал миллиарды, миллиарды, миллиарды немецких марок, потом евро в Восточную Германию и превратил эту часть страны в равного партнера по уровню жизни как из другой Европы, Европы в целом. И мы, и мои друзья с большим интересом наблюдали за тем, что происходило здесь, в России.

Михаил Сергеевич сказал, что исходные позиции для бывшего Советского Союза, для России были намного сложнее, чем для ГДР. И они были намного сложнее, чем для таких стран, как Польша, Чехия. Россия действительно очень много сделала для нашей свободы, для свободы европейцев. И это огромная заслуга России. Процесс трансформации в самой крупной стране мира, очень милитаризованной, стране, в которой проживают различные нации, народы – и христиане, и мусульмане, и буддисты, намного сложнее будет проходить.

Двадцать пять лет – это уже история, можно сказать. У нас произошло присоединение ГДР к ФРГ. То есть все законы, конституция, различные правовые нормы были полностью перенесены из ФРГ в ГДР. Спрашивают: может быть, нам, немцам спустя столько лет, если посмотреть на эти события, имело бы смысл кое-что изменить. И начать все заново, с чистого листа.

Может быть, это было бы возможно. Но мне кажется, это чисто теоретический вопрос. Дело в том, что в политике надо реализовывать то, что можно. Госпожа Крауфорд может более подробно об этом рассказать. Она была тогда депутатом первого свободно избранного парламента ГДР, Народной палаты. Если бы мы не приняли Конституцию ФРГ, если бы мы не приняли эти законы, не голосовали за них, то я думаю, что люди просто нас не поняли и ушли из ГДР. Они просто бы убежали. Да, мы приняли немецкую марку. Мы приняли многие положения. Но если бы мы не приняли эту конституцию, они бы ушли. Потому что в 61-м году люди тоже бежали из ГДР. Стена – это и был результат этого бегства.

Начало 60-х годов. Люди просто начинали бежать из ГДР. И сегодня вопрос, конечно, чисто теоретический: что было бы, если бы, скажем, мы не приняли Конституцию ФРГ? Надо сказать, что Конституция ФРГ была не самой плохой на тот момент.

Кристоф Ланц. Госпожа Крауфорд, что Вы думаете? Вы были активным сотрудником правозащитного движения «Новый форум» и Вы активно способствовали тем переменам, которые происходили в ГДР.

Клаудиа Крауфорд. Я хочу просто дополнить. В ФРГ был хороший, высокий уровень жизни. И тогда граждане ГДР хотели жить так же. Они принимали решения, видя, что перед ними происходит. Хотя до конца, может быть, не осознавали того, что это будет для них означать. Позже они уже стали больше анализировать ситуацию, свое положение. Они говорили: да, в ГДР, может быть, все бюрократически. Но немцы вообще бюрократы. Да, конечно, здесь была очень бюрократическая система. И поэтому надо сказать, что в ФРГ было принято очень быстрое решение по изменению ситуации в ГДР. Стали строиться новые автобаны, новые предприятия, стала меняться инфраструктура.

Может быть, это было и важно. Но это было не основное решение. Основное решение заключалось в том, что был принят Основной закон ФРГ, то есть Основной закон, который предоставлял нам свободу, демократию. И мы хотели жить именно в этих условиях.